

Тело у меня было хлипкое, но живучее.

Звучит как оксюморон, но смысл вот в чём: в том, что касалось драки или грубой силы, я был слабаком, каких поискать. Зато скорость восстановления у меня была просто чудовищная, запредельная. Странное тело, ничего не скажешь.

Гипс сняли меньше чем через три месяца. Врач сказал, кости срослись окончательно и, если честно, я и сам почти не чувствовал дискомфорта, когда двигал рукой. Синяки и ссадины, покрывавшие тело, быстро сошли, вернув коже первозданный цвет. На ногах остались небольшие шрамы, но они уже не болели. Выходит, даже в моей хилости были свои плюсы. Говорят, в мире нет ничего абсолютно плохого.

Мои родители, в отличие от меня, пребывали в состоянии полного хаоса.

Отец, которому пришлось остаться за границей по работе, часами бушевал в телефонной трубке, а мать, едва узнав новости, села на первый же рейс и, увидев мою физиономию, немедленно принялась орать в телефон. О содержании разговора можно было не гадать - она угрожала создать школьный комитет по борьбе с насилием.

Впервые в жизни я почувствовал укол совести перед родителями. Впервые ощутил себя по-настоящему неблагодарным сыном.

Всё решилось быстро. Мне не пришлось ничего делать. Я просто лежал на кровати, вдыхая соленый летний ветер, задувающий в открытое окно.

Итогом всей этой эпопеи стало исключение Хон Хвиджуна.

Как оказалось, школа уже имела на него виды: постоянные нарушения дисциплины, срывы уроков, дебоши. Хотя, если честно, по сравнению с Ким Минхо, Хон Хвиджун был практически паинькой, тихим и неприметным.

Но богатые родители это сила, тут уж ничего не попишешь.

Моя мать, в конечном счёте одержавшая победу, снова улетела за границу. Та самая мать, что рыдала надо мной в больнице, не колеблясь ни секунды, умчалась в аэропорт, когда пришло время её рейса. Я понимал. Так было надо. Это было то обращение, которого заслуживает послушный сын, оправдывающий ожидания. Я решил гордиться этим, считать это одиночеством, которое нужно вытерпеть ради большей выгоды, что однажды ко мне вернётся.

Итак, дома у меня не было взрослого, который бы меня защищал, а в школе друга, который бы за меня заступился.

И всё же я чувствовал небывалое, почти пугающее спокойствие.

В драке всегда побеждает тот, кто первым овладеет общественным мнением. В этом смысле у меня было преимущество. Я вернулся, пусть и с опозданием, а Хон Хвиджун был изгнан окончательно и бесповоротно. Правда, победителем в чистом виде меня назвать было нельзя... скорее уж, это была позорная, какая-то мышиная победа.

Новое прозвище, которое мне присвоили, было «маменькин сынок». Вслух его, конечно, не произносили, но оно висело в воздухе.

Единственным утешением было то, что общее мнение, кажется, склонялось к формуле: «с Кан Джунуном лучше не связываться». Пусть даже это было продиктовано скорее брезгливостью, чем уважением, для меня это было облегчением.

В конце концов, кому захочется вылететь из школы во втором семестре выпускного класса? Третьекурсники в этой школе, а особенно те, кто пришёл из бедного района, должно быть, с ужасом осознали разницу в положении. Как бы высоко они ни взобрались здесь, в реальном мире все они окажутся ниже таких, как я.

И всё же, почему-то осознание этого факта не приносило мне удовлетворения.

«Но всё-таки, маменькин сынок Кан Джун звучит как-то глупо и унижительно»

Я мог позволить себе такие праздные мысли.

Когда я возвращался в школу, первым, кто встретил меня у входа, был, как ни странно, О Енджун.

Пак Хаон и Им Юнки, хоть и неловко, но хотя бы изобразили подобие участия.

— Кан Джун, эй. Получше себя чувствуешь?

Фраза была выужена прямиком из учебника по этикету, глава «Как притвориться заботливым».

А Го Ёхан?

Забавно, но Го Ёхан просто лежал лицом вниз на парте, то ли спал, то ли намеренно делал вид, что меня не замечает. Иногда я понимал, чего хочет Го Ёхан, но в большинстве случаев он оставался для меня загадкой за семью печатями, сфинксом в школьной форме.

В последнее время О Енджун вёл себя так, будто он уже на вершине мира: отсел на две парты от Го Ёхана и делал вид, что он из его компании, тень, прилипшая к солнцу. Идиот.

Когда мои натянутые приветствия с Пак Хаоном и Им Юнки закончились, О Енджун, словно крадущаяся гиена, почуявшая слабинку, подошёл ко мне.

Это было самое оживлённое приветствие за сегодня.

— Эй, Кан Джун. А ты, я смотрю, крутой?

Крутой? Ну и шутка. Кто он вообще такой, чтобы судить меня?

Мне даже отвечать не хотелось, так что я просто кивнул, глядя сквозь него.

О Енджуна такой ответ, видимо, не устроил. Он хотел крови, хотел реакции.

— В конце концов, деньги это главное, да?

В чём-то он был прав. В деньгах была сила, было спасение.

Но что-то в его тоне, в том, как он это сказал, с ноткой превосходства, будто сам был к этому непричастен, меня задело.

— Почему?

— В смысле, почему? Твои родители же просто размазали Хон Хвиджуна.

О Енджун сделал рукой характерный, театральный жест - полоснул себя по горлу.

Голос у него был невыносимо бодрым, и он, похоже, совершенно не осознавал, насколько он бесит.

Отвратительно.

Я принялся молча рыться в рюкзаке, надеясь, что он отстанет.

Всё ещё не удовлетворённый моим безразличием, О Енджун, словно назойливая муха, наклонился и зашептал, обдавая меня несвежим дыханием:

— Этот тип был в одной компании с тем гомиком, ну, знаешь, с Хан Джун У. Рыбак рыбака, да? Ты же видел, как он выёживался, чтобы привлечь внимание. Просто позёр хренов.

То, как он это говорил, с какой-то брезгливой интонацией, будто сам был белым и пушистым, было просто абсурдно, до тошноты.

Тот факт, что я сейчас не мог поставить на место такого, как он, делал моё положение ещё более жалким, ещё более унижительным.

— Ты нам реально помог, когда его вышвырнули. Честно, от таких, как он, только атмосфера в классе портится.

Чушь собачья.

Я терпел идиотизм О Енджуна, стискивая зубы, но тут моя рука, достававшая пенал, вдруг замерла.

Меня осенило. Как вспышка молнии в тёмной комнате.

Я тупо уставился в потолок, на белёную поверхность, скрывающую провода и трубы.

А какого хрена я вообще слушаю этого придурка?

Почему я сижу и терплю это дерьмо, как нашкодивший пёс, поджав хвост?

Вот поэтому эта рейтинговая система - полное говно. Она ломает людей.

Если тебе досталась паршивая позиция, даже если ты там и не должен быть, люди начинают в это верить. Ты сам начинаешь в это верить.

...Точно. Вот оно.

Я больше не обязан это терпеть.

У нас с Го Ёханом было негласное соглашение.

По крайней мере, мы будем вести себя как одноклассники. Формально.

Это значило, что он не будет меня топить. По крайней мере, открыто.

Скорее всего, он снова будет меня игнорировать, как раньше. И это было приемлемо.

На губах заиграла улыбка.

И в то же время что-то было не так. Где-то в глубине души шевельнулся червячок сомнения.

Я отогнал это чувство. Затаптал его, как ненужную спичку.

Я больше не тот идиот Кан Джун. Не тот мальчик для битья.

Пропуская слова О Енджуна мимо ушей, как сквозь сито, я вдруг поймал его взгляд.

— Эй.

— А?

— Ты...

Уголки моих губ поползли вверх сами собой, помимо моей воли.

Это было не намеренно, не рассчитано.

Мне действительно стало смешно.

Самым небрежным, лёгким, почти воздушным тоном, каким только мог, я шутливо, но с металлическим отливом, его отчитал.

— Хватит сплетничать. Надоело.

Вот именно.

Я ведь уже победил Хон Хвиджуна. Пусть даже вничью, пусть грязно.

В школе остался я, и именно я контролировал ситуацию.

Если я разобрался с Хон Хвиджуном, то О Енджун для меня просто пустое место, звук.

— А? Ч-что? Сплетничать? Ты чего так разговариваешь?

— В смысле? Просто слушать неприятно. Трепаться о прошлом, о том, чего не знаешь... это мелко. По-детски.

— Чего? Мелочно?

— Хотя, я погорячился. Прости. Наверное, я слишком остро реагирую. Нервы.

Я тут же закончил разговор, демонстративно достав пенал и положив его на парту.

Обычно шумная перемена после первого урока проходила в полной, давящей тишине. Воздух звенел.

Мне-то что.

Я положил пенал на парту и снова посмотрел на О Енджуна. Спокойно, выжидаяще.

В надежде, что он наконец поймёт намёк и отстанет, провалит.

— Ты же знаешь, я пошутил, да?

— Эй!

Ни с того ни с сего заорал О Енджун. Взвизгнул, как резанный.

От внезапного, режущего ухо звука я поморщился, будто от зубной боли.

Улыбка моя исчезла, стёрлась с лица.

Я потёр виски кончиками пальцев и устало, с ленцой, пробормотал:

— Ты чего орёшь? Голос сорвать решил?

— Ты что, больной? Совсем с катушек слетел?

— Слетел? Это довольно грубо. И не точно.

— Ты серьёзно не понимаешь, что мне только что сказал? Это ты первый начал быковать!

— С чего ты взял? Я просто сказал, что сплетни это плохо. Разве нет?

— Ах ты сукин...

Когда О Енджун уже почти собрался с духом, чтобы выдать из себя жалкое подобие ругательства, в наш разговор грубо вмешалась третья сила.

Толстая рабочая тетрадь по математике, пущенная с дальнего ряда, с грохотом врезалась в стену рядом с нами.

— Вы двое, чего расшумелись? А ну сели на места! Быстро!

Учитель математики.

О Енджун мгновенно заткнулся и бросил на учителя обиженный, телячий взгляд.

— Чего ждёшь? Сказано, садись. Или тебе помочь?

Я благодушно, почти отечески, похлопал О Енджуна по спине, подталкивая к его парте.

Учитель, почувствовав странную, наэлектризованную атмосферу, повисшую в классе, казалось, остался доволен моим послушанием. Ещё бы. Учителей волнует только одно - чтобы урок прошёл гладко, без лишнего говора. Для него я, ученик, который сам, без скандала, уладил конфликт, должно быть, выглядел образцово-показательным, почти идеальным. И, в каком-то смысле, математика всегда ко мне благоволила. Судьба, видимо.

Как доказательство, он ни разу не вызвал меня к доске.

После занятий О Енджун снова подошёл ко мне, набычившись, но я решил вопрос чисто... или мне так показалось.

— Енджун.

Честно говоря, я был абсолютно искренен. В тот момент я, кажется, разучился врать. Или просто перестал считать это нужным.

— Тебе не кажется, что дважды подходить ко мне это как-то жалко? Не по-мужски.

Похоже, лёгкая жизнь была мне не суждена. Судьба подкидывала испытания.

— Если продолжишь в том же духе, люди просто решат, что ты проиграл, сдался. Не позорься. Побереги остатки достоинства.

Едва я договорил, О Енджун сжал кулаки, весь затрясся, как в лихорадке, и с силой, со всей дури, толкнул мою парту.

С громким, оглушительным грохотом мой пенал упал на пол, рассыпав ручки и карандаши по грязному линолеуму.

О Енджун, что бесило больше всего, даже не подумал их поднять. Даже не взглянул. Пробормотав что-то нечленораздельное себе под нос, он развернулся и вылетел из класса, громко хлопнув дверью.

Я не расслышал, что он сказал. Голос был слишком тихим, смазанным, да и, честно говоря, слушать я не хотел. Мне было плевать.

Единственное, что ему удалось это продемонстрировать свою детскую, неконтролируемую ярость, с силой распахнув дверь класса.

— ...Ай, уши заложило.

Дверь с грохотом врезалась в косяк, жалобно задребезжав на петлях.

Это была ошибка О Енджуна. Фатальная.

Кому, блин, понравится такое поведение? Кто будет уважать истеричку?

Эта его истерика только разозлит остальной класс. Он же не Го Ёхан, у него нет права так себя вести, и от него и не пахнет опасностью, силой. Он просто клоун.

Как только он ушёл, я наконец нагнулся подобрать ручки. Медленно, со вздохом.

— Твою мать, он что, дверь сломать решил?

— ...Чего это они вдруг? С чего такая агрессия?

Конечно, взгляды, которые бросали на меня, тоже не были дружелюбными. Скорее, настороженными.

В конце концов, конфликт разгорелся из-за меня.

Их глаза, наверное, говорили то же самое: «Он ничем не лучше О Енджуна. Тоже мне, Го Ёхан выискался, строит из себя».

И, честно говоря, они были правы. Зеркало не кривило.

Я не Го Ёхан. Никогда им не был.

Я повернул голову в конец класса, туда, где на задней парте, у окна, сидел он.

Го Ёхан, засунув руки в карманы, слегка приподнял голову и смотрел на меня, лениво хлопая глазами.

Взгляд его был нечитаем.

Потом его острые, как лезвия, глаза на мгновение блеснули, и он расплылся в необъяснимой, странной улыбке.

...Какого хрена? Что ему нужно?

Пока я сидел в ступоре, переваривая, Го Ёхан медленно вытащил руки из карманов и начал хлопать. Медленно, с расстановкой.

Хлоп, хлоп, хлоп.

Звук повис в воздухе, неестественно растянувшись, и затих, только когда он снова засунул руки в карманы.

— Ого.

Го Ёхан медленно покачал головой, театрально, с расстановкой, вздохнул и, повернувшись к классу, громко, на всю аудиторию, произнёс:

— Это доказывает, что Джун на самом деле очень хороший парень. Не злой.

...Что он несёт? Какая муха его укусила?

— Вы тоже так думаете, да?

Го Ёхан, не дожидаясь ответа, повернулся к парню, сидевшему рядом с ним - какой-то серой мышке, абсолютно не запоминающейся, части ландшафта.

— Э-э... Ну, наверное? — промямлил тот, не поднимая глаз.

Ответ пацана заставил Го Ёхана приподнять одну бровь. Классический ёхановский жест.

— Эй, чего ты мямлишь, как первоклашка? Не слышу уверенности.

— А?

— Ты тоже так думаешь. Скажи это так, будто сам в это веришь.

Го Ёхан растягивал слова, широко открывая рот, улыбаясь. Глаза его, однако, оставались холодными, как лёд.

Это было чистое, неприкрытое запугивание. Демонстрация силы.

Попав в ловушку Го Ёхана, бедный студент-травоядный, мелкая сошка, тут же опустил голову, вжался в парту, бросив быстрый, затравленный взгляд на дверь, в которую вылетел О Енджун.

— Д-да. Точно. Наверное, — проблеял он, сдаваясь.

Го Ёхан торжествующе, как фокусник, вытаскивающий кролика из шляпы, ткнул в него пальцем.

— Видите? Не у меня одного такое мнение! Вот, человек подтверждает!

Улыбка его, на этот раз, была искренней. Довольной.

Сморщив нос, как довольный кот, он снова захлопал, гораздо быстрее, энергичнее.

Хлоп, хлоп, хлоп, хлоп, хлоп.

А потом взметнул кулак в воздух с громким, почти мальчишеским победным кличем.

Звуки его триумфа заполнили класс, разносясь в ошеломлённой, гробовой тишине.

Го Ёхан... защищает Кан Джуна? С каких пор?

От внезапной перемены атмосферы, от этого абсурда все опешили, застыли.

— ...Какого хрена.

Я понятия не имел, что задумал Го Ёхан. Его мотивы были для меня тайной за семью печатями.

Но потом я отмахнулся от этой мысли. Слишком сложно.

Скорее всего, это была очередная его игра, очередная ловушка, расставленная, чтобы меня запутать, проверить.

Я не всеведущ. Я не бог.

Я просто старшеклассник с немного более светлой головой, чем у других, и с тяжёлым грузом прошлого.

Я не знаю, что случится дальше, и какой фундамент закладывается прямо сейчас, под моими ногами.

— Серьёзно... Что за хрень.

Хуже того, я начал странно себя чувствовать. Меня колотило изнутри.

Если честно, я переставал доверять собственным суждениям. Они казались мне мутными.

Тот факт, что я превращался в полного идиота в присутствии человека, который мне нравился - боже, уже то, что я это признаю, бесит, - означал, что сейчас я вряд ли принимал самые умные решения. Мной управляли эмоции.

Нечитаемое, расслабленное, но при этом давящее поведение Го Ёхана заставляло меня сомневаться в себе. В своей адекватности.

Может, я всё неправильно понимаю? Может, я вижу только то, что хочу видеть, искажаю реальность?

Меня внезапно накрыло ледяной волной страха. Паники.

А потом наступило время обеда. Спасительный звонок.

О Енджун, который всё утро пытался привлечь моё внимание, но безуспешно, естественно, как привязанный, направился к Го Ёхану.

Но в этот раз Го Ёхан не рванул в столовую, едва прозвенел звонок. Он остался сидеть.

Обычно они ели вместе.

О Енджун подошёл к нему, наклонился, спрашивая, не пойдёт ли он есть.

И что ответил Го Ёхан?

— Ты о чём? — бросил он, даже не взглянув на него.

И всё. Коротко и ясно.

По спине пробежал острый, сладкий холодок.

Я невольно, не в силах сдержаться, оглянулся на них.

Го Ёхан пристально смотрел на свой резиновый мячик, перекатывая его в ладонях.

О Енджун так и не смог привлечь к себе ни капли его внимания. Он просто стоял истуканом.

А потом наши взгляды встретились. Случайно.

— ...

Клянусь, я не специально. Я просто смотрел.

Я не пытался его унижить, не пытался злорадствовать.

Но О Енджун, должно быть, подумал иначе. В его глазах это был вызов.

Лицо его побагровело, когда он переводил взгляд с меня на Го Ёхана и обратно, а потом он, не сказав ни слова, вылетел из класса.

Правда, в отличие от своей эффектной выходки со мной, ушёл он, бросив жалкое, нелепое оправдание, обращённое в пустоту:

— Сегодня на обед ттокпокки.

Жалко. До слёз жалко.

Оно того стоило? Спасать лицо такой дешёвкой?

Я еле сдержался, чтобы не сгореть со стыда за него.

А Го Ёхан?

Он даже не потрудился ответить. Проигнорировал.

Вместо этого, чуть позже, когда класс почти опустел, подкидывая в воздух свой мячик, он громко, так, чтобы все слышали, но обращаясь в никуда, пробормотал:

— Ну ттокпокки. И что мне с этой информацией делать? Съесть?

Голос его звучал так искренне, так по-детски озадаченно, что я не смог сдержать смех. Он вырвался наружу, как воздух из проколотого шарика.

Я уткнулся лицом в холодную столешницу парты, плечи мелко затряслись.

Когда я, наконец, заставил себя сесть прямо, я прокашлялся, изображая усталость, на случай, если кто-то заметил, что я смеюсь.

Когда класс постепенно опустел, я сглотнул вязкую слюну.

Ладони вспотели, стали липкими.

Я ни о чём таком не думал. Ничего не планировал.

Просто...

Просто так сложились обстоятельства. Карты легли.

— ...

В этот момент в голову пришла абсурдная, совершенно неуместная мысль - картинка, где мои ноги переплетаются с ногами Го Ёхана.

Понятия не имею, почему. Наваждение какое-то.

Просто так иногда работает мозг старшеклассника. Гормоны.

Бля.

Из всех мыслей, которые могли прийти в голову, эта ударила прямо в пах, обожгла.

Самое бесячее было то, что Го Ёхан, который всё это время играл с мячиком и наблюдал за мной с задней парты, как только класс опустел, встал и, не спрашивая разрешения, непринуждённо, по-хозяйски сел передо мной.

Знакомый, сводящий с ума запах мыла снова ударил в нос, заполнил лёгкие.

Он сидел молча, на удивление смирно и тихо, сложив руки на парте, пока я машинально, как заведённый, открывал рабочую тетрадь.

Я делал вид, что не замечаю его, и сосредоточенно решал задачи.

Мягкй скрежет моей ручки был единственным звуком, нарушающим давящую тишину.

— ...

— ...

Мы молчали.

Не в силах больше выносить этого молчания, этого давления, я поднял голову и наши взгляды встретились. Вновь.

— Ты, я смотрю, реально втыкаешь в учёбу? Прямо зубрила.

Го Ёхан, облокотившись на мою парту, подперев голову рукой, смотрел на меня в упор.

Я застыл, как кролик перед удавом, и выдавил дурацкую, дежурную улыбку.

Правда, видимо, выглядела она не так уж плохо, потому что Го Ёхан отвернулся первым. Спрятал глаза.

От этой неожиданной реакции у меня дрогнуло бедро.

К счастью, лицо моё почти не изменилось.

Го Ёхан, отвернувшись, рассеянно, как бы невзначай, водил пальцем по краю моей парты, чертил невидимые узоры.

Всё моё внимание, все мои нервы сосредоточились на этом крошечном, ничего не значащем движении.

— Джун-а, а где ты обедаешь? С нами?

И что мне на это ответить?

Я снова опустил голову и заскрипел ручкой по тетради, делая вид, что увлечён.

Но перед глазами были только чёрные буквы на белой бумаге, расплывающиеся пятна.

Не думая, машинно, я поставил крестик рядом с вариантом три.

Средний.

Потом, опуская взгляд ниже, перешёл к номеру пять.

«Рассказчик испытывает радость в разговоре с человеком, описанным в варианте 1».

Моя ручка медленно, как во сне, обвела кружком ответ пять. Не тот.

— Джун-а, ты же слышал, да? Что я сказал?

— ...Что?

Сердце бешено заколотилось в ушах, заглушая всё, когда я ответил.

Отступить было некуда. Бежать некуда.

Я медленно поднял голову.

Я только поднял глаза, всего лишь.

И застыл, увидев, как близко, как опасно близко лицо Го Ёхана. Его дыхание касалось моей щеки.

— Ттокпокки.

Моя дурацкая привычка, мой защитный механизм, конечно, сработал мгновенно.

Не думая, не соображая, я деревянно, как робот, повторил его слова.

— Токпокки?

— Ты правда не слышал? Или прикидываешься?

Я не ответил. Промолчал.

Конечно, я всё слышал. Каждое слово, каждую интонацию.

Но не хотел признавать. Не мог.

Я не хотел, чтобы Го Ёхан знал, что он всё ещё занимает место в моей голове, в моих мыслях. Что я зациклен.

— ...

Одна его бровь слегка дёрнулась. Микродвижение.

Признак недовольства. Раздражения.

Но, в отличие от прошлого раза, он не стал ссориться из-за этого. Не наехал.

Что-то определённо изменилось. В нём. В нас.

Эта реакция заставила меня, неосознанно, включить одну из моих сильных сторон - защиту.

Это была привычка, нечто, въевшееся в меня за всю жизнь, броня.

Лицо моё само собой, без участия мозга, приняло выражение чуть более безразличное, почти скучающее.

— Ты о чём?

Даже когда я говорил, тело моё, предатель, инстинктивно дёрнулось, вжимаясь в спинку стула, чтобы увеличить расстояние, отодвинуться от опасности.

Го Ёхан опустил взгляд, словно глубоко задумавшись, изучая свои руки.

Потом тихим, но тревожно-тяжёлым, низким голосом, от которого по коже побежали мурашки, пробормотал:

— Эй.

— ...А?

Честно говоря, мне было страшновато. До дрожи в коленях.

Но делать вид, что нет... это был мой конёк. Моя единственная сверхспособность.

— ...Бля.

Го Ёхан вдруг, резко, взъерошил себе волосы, откидывая их назад, и выругался.

А потом снова замолчал. Погрузился в себя.

Тишина давила, становилась невыносимой, физически ощутимой.

У меня даже ладони вспотели, стали мокрыми, пока я за ним наблюдал.

Я сжимал и разжимал кулаки под партой, пытаюсь сбросить напряжение, успокоить пульс.

Даже когда страх заползал под кожу, леденил кровь, я надевал маску и делал вид, что мне всё равно, что меня не пронять, что я железный.

Го Ёхан был опасен. Как минное поле.

Это была дорога, по которой мне нельзя было идти.

— ...

К счастью, пока что я, кажется, выигрывал в этой ментальной битве. Удерживал позиции.

Го Ёхан слегка прикусил нижнюю губу, словно признавая поражение, сдаваясь.

Или мне так показалось, пока он снова не поднял голову, не приблизив своё лицо ещё больше, почти вплотную.

— Я для тебя это сказал. Всё.

Чёрт.

Я инстинктивно отшатнулся, вжался в спинку стула и заморгал, пытаюсь скрыть лёгкое, предательское покраснение, прилившее к щекам.

— ...Сказал что?

Потом, в отчаянной, панической попытке сменить тему, увести разговор, выпалил первое, что пришло в голову.

— Ттокпокки...?

Пальцы заныли от того, как сильно я их сжал. Хрустнули.

Внезапный, неконтролируемый прилив возбуждения, адреналина, напряг всё тело, каждую мышцу.

Го Ёхан, пристально, немигающе наблюдавший за мной, ответил странно мягким, почти влажным, интимным голосом.

— Я сказал, что ты хороший. Нормальный.

— ...Что?

— А потом спросил: «И что мне с того ттокпокки?» Вслух.

Что за хрень. Этот парень вообще здоров? У него крыша едет?

— Это всё для тебя было. Специально. О Енджун тебе ведь не нравится, да? Ты терпеть его не можешь? Этот ублюдок, наверное, теперь в полном ауते, неделю отходить будет.

Глаза его блестели, сияли, словно он ждал похвалы, одобрения, как дрессированная собака.

Я невольно, зайдясь в кашле, закашлялся.

Почему моё тело так реагирует? Почему оно его слушает?

Чёрт.

Чтобы скрыть жар, неконтролируемо заливающий лицо, я потёр щеку влажной ладонью.

В голове замигала красная лампа тревоги: опасность, опасность!

Го Ёхан эл не вариант. Тупиковый путь.

Я тут же, с головой, уткнулся носом в тетрадь, делая вид, что читаю условие задачи.

Слишком уж непредсказуем был этот его резиновый мячик, слишком опасен.

Заставляя себя сохранять рассудок, дышать ровно, я пробормотал в стол:

— ...Чего это на тебя нашло?

— В смысле?

Го Ёхан подался вперёд, навалившись грудью на мою парту, сокращая расстояние до нуля.

От этого давления, от этой близости у меня перехватило горло, сдавило грудь.

Я сжал губы.

— Ты всё это время меня игнорировал, в упор не видел, а теперь вдруг снова разговариваешь? Зачем?

Он ответил не сразу. Пауза затянулась.

Но я не видел его лица, он опустил голову, пряча глаза.

К счастью, молчание длилось недолго. Вечность кончилась.

Из-за стопок белой бумаги, из-за баррикад учебников, просочился его приглушённый голос.

— Джун-а.

Голос был мягким. Ласковым. Почти нежным.

Я никогда не слышал, чтобы Го Ёхан так говорил. Ни разу.

Я так и обмер, всё тело одеревенело, превратилось в соляной столб.

— Не надо так... Пожалуйста. Не отгораживайся.

Эта странность, эта непривычная интонация заставила меня ответить, защищаясь.

— Я вообще не понимаю, с какой стати ты сейчас со мной так разговариваешь, и ты продолжаешь свои дурацкие игры, эти качели, эти...

— Ай, прости, прости. Я понял, остынь, не кипятись.

Я нахмурился и уставился на него, пытаюсь прочесть истину.

И зачем я это сделал? Зачем посмотрел?

Из-за этого взгляда мы снова встретились глазами - ещё одна ошибка, ещё один шаг в пропасть.

Я инстинктивно, как кролик, отвёл взгляд, уставился в окно.

Но тут же, в ту же секунду, понял - нет.

Это означало бы, что я проиграл. Сдался.

Я не собирался всю жизнь прятаться, как нашкодивший пёс, поджав хвост. Хватит.

В мгновение ока, пересилив себя, я заставил себя снова поднять голову, встретить его взгляд.

— А.

Го Ёхан, следивший за каждым моим движением, за каждым микродвижением зрачков, вдруг рассмеялся. Коротко, хрипло.

Это было знакомое выражение. До боли знакомое.

Я точно знал, когда у него появлялось такое лицо.

Это была улыбка, с которой он обычно делал больно другим.

Та доля секунды веселья, та борьба со смехом, когда он находил что-то настолько абсурдное, что это не должно быть смешно, но было. И это пугало.

Громко, театрально откашлявшись, он поправил выражение лица, стёр улыбку.

Потом, сцепив руки в замок, как кающийся грешник на иконе, театрально, с надрывом, вздохнул.

Опустил брови, сделал несчастное лицо.

Придурок прекрасно знал, что делает.

— Ты на меня обижался, да? Сильно?

Он меня провоцировал. Тянул за ниточки.

— Да? Я правда виноват. Прости меня, дурака...

Его большая, горячая рука, с длинными пальцами, потянулась к моей, лежащей на парте.

Крупнее, чем у большинства, его пальцы слегка дрожали, накрывая мою неподвижную кисть, накрывая теплом.

Я попытался отдёрнуть руку. Дёрнул.

Но не смог.

<http://bllate.org/book/12586/1592814>